

СОБИРА- ЮЩИЙ КРАСОТУ

Писателя Ивана Антоновича Ефремова едва ли нужно представлять любой — пусть самой широкой — аудитории. Его книги хорошо известны и тем, кто любит остросюжетные, овеянные дымкой романтики рассказы о морях и геологах, и тем, чье увлечение — через страницы исторических романов и повестей проникать в прошлое человечества, и, наконец, тем, для кого желанный собеседник в неисчерпаемом океане книг — научная фантастика. А поскольку все, что пишет Ефремов, отличается исключительной свежестью материала, доскональнейшим проникновением в детали и поистине завидной добротностью, — книги его не просто известны, они любимы, относятся к избранным, к тем, которые нет-нет да и вновь перелистываешь, восстанавливая в памяти взволновавшие когда-то страницы...

О всем том, что предшествует интервью, журналисты обычно умалчивают. Вопрос — ответ, вопрос — ответ, — такова устоявшаяся схема журнально-газетных бесед с известным человеком.

По некоторым причинам мне, однако, хочется отступить от канона.

«Подготовительная сторона» этой встречи началась для меня... в конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда попала в мои руки основательно потрепанная, без обложек, книжка — «Белый Рог» И. А. Ефремова. На фамилию автора я поначалу внимания не обратил, зато залпом прочел все рассказы.

...Геолог, поверивший древнему преданию и на вершине отвесного пика обнаруживший золотой меч. Алмазы, скрытые в недрах Восточной Сибири, точно где-нибудь в Южной Африке. Развалины обсерватории в Узбекистане с их таинственным воз-

действием на человека. Гигантский динозавр, «оживший» перед палеонтологами в закрытой со всех сторон долине...

Все это было для меня, пожалуй, интереснее Жюль Верна и Стивенсона, Майн Рида и Купера. Ведь, что ни говори, капитан Немо и Робинзон Крузо, Натти Бумпо и одноногий Сильвер — все они были затеряны в прошлом; в них можно было играть, но верить, что они где-то рядом, явно не имело смысла. А тут, у Ефремова, — наши дни, мои (правда, взрослые, — но какое это могло иметь значение?) современники... И, оказывается, такая бездна тайн и загадок в окружающем меня мире!

«Я уверен, сильно ошибаются те, кто полагают, что романтике не будет места на нашей планете, измеренной вдоль и поперек. Огромный, бесконечно просторный мир творческого исследования окружает нас. Стоит лишь заглянуть в него, чтобы убедиться, как смешны рассуждения о скуке жизни...»

Это сейчас я вынужден был заглянуть в кни-

МОИ
ДРУГ-
ОАН
ТАС
ТИКА

гу, чтобы процитировать авторское посвящение к сборнику «Белый Рог»; долгое время я помнил его наизусть — таким откровением предстало оно двенадцатилетнему мальчишке.

Позднее разыскал я и «Пять румбов», и «Звездные корабли», и «На краю Ойкумены», и случайно набрел в книжном киоске на «Путешествие Баурджеда». Уже «знатоком» — перечитав к тому времени массу фантастики — встретил я «Туманность Андромеды»: величественная и грандиозная, она становилась естественной вехой в нашей фантастике; казалось немыслимым после нее писать и читать скучные «фантастические» повести об автопилках для скота или миниатюрных радио- и телепередатчиках.

И вот...

Наконец, решившись, заказываю Москву.

В ожидании звонка мысленно репетирую: «Иван Антонович, «Уральскому следопыту» хотелось бы взять у вас интервью. А поскольку у меня командировка в Ленинград и еду я через Москву — я мог бы...»

— ...А, следопыты?! Как же — знаю, знаю... — звучит в трубке искаженный помехами голос.

Мне чудятся в нем отзвуки добродушного стариковского брюзжания, и я уже — с некоторой опаской — рисую в уме предполагаемый внешний облик маститейшего нашего фантаста. Шестидесят пять исполнилось ему нынче, — возраст, кажущийся мне, мягко говоря, солидным. И в портрете, который я пытаюсь воссоздать по виденным фотографиям и первым впечатлениям, содержится, увы, очень мало от того неутомимого путешественника-искателя, каким рисовался мне прежде автор уже перечисленных и других, не названных еще мною книг. Но тем самым, я пока совершенно того не подозревая, готовлю себе весьма и весьма приятное разочарование...

Вопрос — ответ, вопрос — ответ... О чем же спросить Ивана Антоновича? Как уместить в десяток вопросов весь свой чисто читательский интерес к писателю и его творчеству?

Старательно просматриваю пухлое «досье» — папку с вырезками, где собраны многочисленные беседы журналистов с Ефремовым, его ответы на всевозможные журнально-газетные анкеты.

Каждая из вырезок что-то несет в себе. Я узнаю, например, что Иван Антонович находит изъяны в той реформе русской орфографии, которая была предпринята в 1918 году: исчезают — а отчасти уже исчезли — некоторые оттенки в звучании русских слов... Узнаю, каким оригинальным способом — выстригая из журналов фотографии красавиц и комбинируя их — «конструирует» писатель внешний облик своих героинь... Узнаю, что — в отличие от большинства собратьев-фан-

тастов — он предсказывает долгое и завидное будущее железнодорожному транспорту. Правда, транспорту — с куда большей, нежели сегодня, шириной колеи и поистине «корабельным» объемом вагонов!.. Узнаю, что фантаст Ефремов отрицательно относится к идее индивидуального физического бессмертия человека... Узнаю и еще многое, очень многое; и все это интересно; постепенно и у меня самого набирается добрых полтора десятка вопросов такого вот узкопрактического плана.

На всякий случай провожу перед отъездом маленький «референдум» среди своих знакомцев — любителей фантастики. Заношу в записную книжку еще одну серию самых разномастных вопросов.

А потом, уже в Москве, «процеживаю» заготовленные вопросы... «Процеживаю» — при деятельной помощи старого товарища, московского журналиста, которому предложил пойти вместе со мной к Ивану Антоновичу.

Остается лишь полчаса до назначенного Ефремовым срока, когда, отметя все мелкое; незначительное, случайное, мы извлекаем, наконец, из пишущей машинки листок с «основополагающими» вопросами. Спешим к метро, спешим на метро, спешим от метро... Останавливаемся в подъезде нужного нам дома на улице Губкина — чтобы отдышаться, поправить галстук и вообще придать себе вид, полностью соответствующий нашим представлениям об интервьюерах.

Ровно в шесть мы — у двери квартиры на втором этаже.

Открывает нам сам Иван Антонович. Невольно приглядываюсь.

Крупные черты лица. Большие — временами кажущиеся огромными — голубые глаза. И весь он — очень большой, широкоплечий, могучий, именно — могучий, как-то и не приходит на ум другое слово, когда вот так, вблизи, смотришь на него. Такой, каким единственно и должен был быть — по давнему моему разумению — автор написанных им книг. В довершение ко всему — приятный и сильный, с басовыми нотками, голос, в котором, конечно же, — ничего «стариковского»; вот и верь телефонной трубке...

По-настоящему знакомимся мы в кабинете, где кажутся огромными — под стать хозяину — стеллажи с книгами вдоль одной из стен.

Говорю несколько слов о журнале, в котором работаю, о фантастике в нем, о готовящихся публикациях. Среди них упоминаю статью о знаменитом Эдгаре Берроузе — авторе «Тарзана» и многочисленных космических романов. Выясняется, что Ефремов на языке оригинала читал марсианский цикл Берроуза; у нас завязывается оживленный разговор о книгах и героях американского писателя. («Интересный был

писатель,— подытоживает Иван Антонович и предостерегает: — Но и написать о нем надо интересно...») С Берроуза мы переключаемся на Хаггарда, с Хаггарда — на...

Но старая фантастико-приключенческая литература неисчерпаема, говорить о ней оба мы можем, по-видимому, бесконечно: Иван Антонович — оттого, что немало перечитал таких книг в юности, я — потому, что с некоторых пор всерьез занялся собиранием старой фантастики... А товарищ мой уже посматривает на часы. Время летит быстро, — так понимаю я деликатный его жест, — пора и переходить к делу, с которым пришли. Что ж, дело — есть дело...

— Иван Антонович, читателей всегда интересует — как писатель становится писателем? По отношению к вам этот вопрос вдвойне интересен. Что заставило вас — зрелого, сложившегося ученого, человека, уже нашедшего, казалось бы, свою тропу в жизни, — начать все сначала в качестве литератора?

— Причиной тому два обстоятельства. Прежде всего — неудовлетворенность системой доказательств, которыми может оперировать ученый.

Планы и замыслы любого ученого, как, впрочем, и всякого другого человека, необычайно широки. А исполняются они, я думаю, в лучшем случае — процентов на тридцать. Вот и получается: с одной стороны — всевозможные придумки, фантазии, гипотезы, обуревающие ученого, а с другой — бессилие добыть для них строго научные доказательства. Добыть — на данном этапе, при жизни... И ясное сознание этого бессилия.

А в форме фантастического рассказа я — хозяин. Никто не спросит: где вычисления, опыты? Что взвешено, измерено?

(Никто не спросит... Я вспоминаю любопытный факт из биографии Ефремова. В 1929 году он написал статью, в которой обосновывал возможность взятия с океанского дна образцов коренных пород. Отослал ее в солидный немецкий журнал «Геологише Рундшау». Через некоторое время рукопись вернули с рецензией профессора Отто Пратье, крупнейшего в те годы специалиста по морской геологии. Этот последний заявлял, что дно океанов наглухо закрыто рыхлыми осадками и потому предложенные автором статьи исследования — ненаучный вздор. Между тем, сегодня подобные исследования — самое будничное дело...).

50

— ...Второе обстоятельство — неудовлетворенность окружающим миром. Она, замечу, свой-

ственна каждому человеку: полностью могут быть довольны лишь животные, да и то далеко не всегда.

Писатель, как и ученый, мечтает о лучшем, о гораздо лучшем. Но тяжелый воз истории катится своими темпами к далеким горизонтам, и темпы эти не упрекнешь в излишней поспешности... А живем-то мы — сейчас!

Отталкиваясь от несовершенств существующего мира, всякий человек пытается так или иначе улучшить жизнь. Один любит цветы — разобьет цветник, другой может спеть — споет. Ну, а если у третьего хорошо работает фантазия, развито воображение? Что ж, он пытается, раздумывая, создать свой мир — явления, которые хотел бы видеть состоявшимися, достижения, не осуществимые в пределах биографии современников. Словом, мир — для себя, мир — в себе.

Но существующий в вас мир, мир только для вас — это неживой мир. Он — открытие ваше, изобретение, создание, но он — мертв. И, как при всяком открытии — музыкальном, научном, любом другом, — естественно желание рассказать об открытом вами мире, сделать его явным для других.

Так вот и рождается писательская потенция...

Я начал с рассказов о необыкновенном — романтических рассказов о необыкновенных явлениях природы. Почему я обратился к приключенческому жанру? Да потому, что категорически не согласен с теми, кто склонен считать приключенческие книги литературой второго сорта. Герои таких книг — всегда сильные, смелые, положительные, неутомимые; под их влиянием читателю и самому хочется сделать что-то в жизни, искать и найти... Убежден: будь у нас избыток таких книг — меньше было бы поводов для появления в нашей «большой» литературе унылых произведений с пассивными, страдающими «героями» — растерянными хлюпиками, злобными эгоистами. Но хороших приключенческих книг у нас до сих пор до обидного мало; еще обиднее — недостаточное внимание к ним... Ну, а в те годы, когда я писал первые свои вещи, приключенческих книг, можно сказать, не было совсем...

(Первые рассказы Иван Антонович задумал в 1942 году, находясь в больнице (кстати сказать — на Урале, в нашем Свердловске). Очередной приступ лихорадки, «заработанной» в одной из среднеазиатских экспедиций, надолго оторвал его от научных занятий, высвободив тем самым время для «легкомысленного» литературного творчества. В том же году семь рассказов из задуманного цикла были написаны.)

— Поскольку разговор у нас коснулся романтики — как вы, Иван Антонович, понимаете это слово!

— Романтика — это более серьезное, более вдумчивое, чем обычно, отношение к жизни. Романтик ценит жизненные явления больше, чем кто-либо другой. Его волнуют, поражают отблески заката на воде, девичьи глаза, чья-то походка, смех ребенка... Романтик, как и настоящий художник, — собиратель красоты в жизни, а это порождает ощущение величайшей ценности каждого мгновения, его абсолютной, неизбывной неповторимости. И я всерьез полагаю, что для того, чтобы писать настоящую фантастику, надо родиться романтиком...

(Ефремовское определение романтики возвращает слову давний его смысл, о котором мы нередко забываем. Слишком расхожим стало это слово в последние годы: им ныне нарекают и кафе, и магнитофоны, и многое иное, никакого отношения к взглядам на жизнь, к мировоззрению — не имеющее. А ведь именно собирателя красоты чтим мы в знаменитом нашем романтике Александре Грине...).

— Почти одновременно с «Рассказами о необыкновенном» вы обратились к произведениям на исторические темы. Если в ваших научно-фантастических рассказах нашли отражение гипотезы и предположения ученого-геолога, то «На краю Ойкумены» и «Путешествие Баурджеда» были, очевидно, продиктованы давним вашим увлечением историей!

— Да, я люблю историю. Впрочем, я не разграничиваю так строго фантастику и исторические произведения: эти последние — та же научная фантастика, только обращенная в прошлое, диаметрально противоположная фантастике, оперирующей с будущим. Ведь у фантастики в литературе — два лика: ретроспективное воссоздание облика людей внутри известного исторического процесса и становление людей в неизвестном нам процессе. А если провести параллель с трехфазным током, то «нулевая фаза», без которой ток «не работает», — это литература о современности, едва ли не самая трудная отрасль литературы, ибо здесь сопрягаются обе задачи...

В сороковых годах в нашей литературе бросалось в глаза почти полное отсутствие исторических книг, особенно — об античном мире. Чтобы как-то исправить положение, я и написал названные вами книги.

(Иван Антонович, мне кажется, несколько утрирует: и романтические свои рассказы, и исторические повести создавал он, конечно же, вовсе не просто потому, что вещей подобного рода вдруг оказывалась нехватка в советской ли-

тературе. В каждый рассказ, в каждую повесть Ефремова вложена частичка его души, сокровенные размышления о человеке, о его духовном богатстве, о его месте и роли в окружающем мире. Ну, а если книги Ефремова всегда оказывались до злободневности своевременными, так это «просто» сказывался всякий раз талант художника-новатора, чутко реагирующего на запросы жизни, отвечающего имснно на те вопросы, которые она — жизнь — выдвигает. Так, кстати, было и с «Туманностью Андромеды», не случайно в сознании многих читателей живет сегодня именно «ефремовское» видение будущего и человека этого будущего, как не случайно и то, что емкий и выразительный термин «Великое Кольцо», придуманный и обоснованный писателем, вскоре же переключался и в специальную, сугубо научную литературу...)

— По сравнению со «Звездными кораблями», вашей первой космической повестью, роман «Туманность Андромеды» — это смелый, во многом неожиданный рывок в неизведанное. Что натолкнуло вас на поиски той концепции человека будущего, которая и предопределила успех романа!

— Видите ли, знакомясь в подлинниках с книгами американских и других зарубежных фантастов, я не раз бывал поражен размахом фантазии, писательской выдумкой. Чего только там не было!.. А не было — «пустяка»: человека. Обыкновенные люди, люди капиталистического сегодня попадали в необычные условия, подчас талантливо и весьма талантливо сочиненные.

Я всегда любил настоящих героев и героинь. Но, заметьте, не сверхгероев, конечно...

Стал размышлять, какими же они должны быть, чтобы совершать удивительные для нас дела. В книгах западных фантастов была заведомая неправда: герои не были приспособлены к будущему. Это невозможно. Высота уровня общества определяется уровнем составляющих его элементов.

Еще и сегодня даже наши фантасты — о писателях англо-американской школы и говорить не приходится! — нет-нет да и «очеловечивают» избржаемое ими будущее, механически перенося нашего современника в мир завтрашнего дня. Ко времени написания первого своего романа я уже был убежден, что подобная тенденция — в корне неверна. Люди невероятно далекого будущего во многом и многим должны отличаться от нас. У них совершенно другие, часто трудно-представимые и вовсе не представимые для нас интересы. Их совершенно не интересует то, что волнует нас, и интересуют вещи, нам попросту

Мне пришлось прилагать поистине нечеловеческие усилия, чтобы очеловечить своих героев; это оказалось невероятно тяжелой задачей.

Хорошая физическая основа. Тщательность воспитания — чтобы быть в состоянии хорошо, много, чисто работать...

Человек будущего — это хозяин своего дела, своего дома. Это люди, умеющие все делать. Сейчас пока идет обратный процесс; наш брат, горожанин, во всем зависящий от «специалистов» — сантехников, электриков и т. п., — очень немногое может сделать сам...

И разумеется, люди будущего — это люди науки или искусства, или же — того и другого. Процент занимающихся наукой повысился уже в те годы, когда я писал свой роман...

Так — от признака к признаку — складывался для меня облик людей грядущего. Людей, которым по плечу такие дела, как исследование глубин земли и путь к звездам. Людей, нервы и организм которых не подведут, выдержат любое испытание...

(Когда появилась «Туманность Андромеды», многое в этой книге о будущем оказалось вновь для читателей, многое вызывало — да и сейчас нередко вызывает — самые ожесточенные споры. Достаточно вспомнить, с каким упорством кто-то из критиков обвинял писателя чуть ли не в проповеди технократического режима; им, этим критикам, казалось подозрительным полное отсутствие в ефремовском мире будущего людей, занятых непосредственным физическим трудом...)

— «Туманность Андромеды» сразу обозначила контуры ваших представлений о том, каким может стать человек. А последовавшие за нею романы «Лезвие бритвы» и «Час Быка» — это своего рода наведение мостов между настоящим и будущим человека, не так ли?

— Да. Вдогодку, по следам «Туманности Андромеды» я написал небольшую повесть «Сердце Змеи». Написал потому, что в романе не было главного — непосредственного, физического контакта космических цивилизаций. Контакта — дружеского и, я бы сказал, принципиально обратного обычному для западной фантастики военному столкновению миров...

Но оставался еще путь к этому контакту. Путь в мир будущего.

В «Туманности Андромеды» лишь упоминаются «Темные века». Человечество Земли уже начало свой путь в мир будущего — в мир коммунизма. Но путь этот не прост и не гладок, множество самых серьезных препятствий встретится еще на этом пути... «Темные века» — это мутная волна фашизма, мы с вами — свидетели этого отвратительного явления. И, как свидетели, можем ли мы быть безучастны к этому? Здесь не может

быть двух ответов, ведь вопрос стоит только так: или будет мир, который я попытался изобразить в «Туманности Андромеды», — или не будет ничего.

Посмотрите на историю. Что определяло падение государств, цивилизаций? Геологические катастрофы? Да, но в исключительно редких случаях. Так было с Атлантидой — под нею, вероятно, нужно понимать Крит.

Обычно же — существует крепкая цивилизация: эллинская, вавилонская, ассирийская... И вдруг являются завоеватели, стирают ее с лица земли. Ученых посылают бить камни, поэтов привязывают к водовозным бочкам...

Но почему тех же эллинов или вавилонян не разбивали раньше — ведь завоеватели всегда были и пытались сделать это? Помимо весьма важных экономических обстоятельств, была, очевидно, высока моральная стойкость — необходимая элементарная вера в свою страну, в ее будущее, любовь к земле, к прекрасному, созданному цивилизацией. А отсюда — желание во что бы то ни стало защищать ее, мужество в обороне.

Однако шло время, и неотвратимо наступал момент, когда — в силу самых разнообразных причин, определяющих крепость государства, — в обществе резко падала мораль, единое целое превращалось в механическую совокупность единиц. И рушились царства и империи, рушились республики, и ничто уже не могло устоять перед ордами завоевателей, еще за пятьдесят — сто лет до того бессильных что-либо сделать. Моральный износ цивилизации жестоко мстил за себя...

Сейчас европейская цивилизация — я имею в виду капиталистический Запад — на поворотном пункте. Религия падает, но где мораль? Новая, на научных основах созданная мораль, где она? Ее в современном капиталистическом обществе нет. Человеку XX века нужна мораль на основе науки о социологической необходимости, вытекающей из законов общественной жизни. Ведь эти законы действуют с четкостью законов природы: так — можно, а иначе — нельзя, иначе — нарушающий будет беспощадно, почти автоматически выброшен из общества...

Но те, кто стоят у власти в западном мире, и не заинтересованы в создании морали на основе науки, и бессильны создать ее. Моральные категории все более ветшают; буржуазная потребительская мораль, насаждаемая капитализмом, бескрыла и бесчеловечна. В обществе все более процветает самое неприкрытое жульничество — вплоть до науки, где нужна абсолютная честность...

Враждебное отношение к науке в целом, к ученым в целом — кажущемуся источнику всех

зол. Отхождение пациентов от врачей. Стремление не работать, а — «устроиться». Все большее обесмысливание самой человеческой жизни, человеческой культуры в целом. Нивелировка индивидуальности и, как бессознательный протест против этого, рост бродяжничества (вспомните «хиппи»)...

И все, вместе взятое, порождает равнодушие к прошлому и будущему, к судьбе грядущих поколений, беззаботное и беспощадное, хищническое отношение к основе всех материальных основ — самой планете, ее природным ресурсам, которые ведь тоже — не неисчерпаемы. Безответственная порча окружающей среды, загрязнение, замусоривание планеты... Даже повальное увлечение космосом имеет на Западе в своей основе глубокий подсознательный эскапизм — стремление спастись, удрать, найти подходящую свежую планету и начать на ней все заново...

Чем все это может закончиться — я попытался показать в романе «Час Быка».

А «Лезвие бритвы» — целиком о Земле, о ее совершенствовании и совершенствовании человека. Выйти в космос чистыми, совершенными, очистив Землю и утвердив себя на ней, но — не спасаясь с нее, не в бегстве, не в поисках того, что не удалось сделать на родной планете.

До звезд еще далеко, очень далеко; жить же нам — на Земле, и ее надо приводить в порядок.

— Иван Антонович, последний — сугубо традиционный — вопрос: каковы ваши творческие планы? Вернетесь ли вы к циклу, начатому «Туманностью Андромеды»!

— Продолжать, развивать «Туманность Андромеды» в эпическом виде — скорее всего, не буду...

Последний мой роман — «Таис Афинская» — исторический роман из времен Александра Македонского. Времена эти интересны для меня прежде всего тем, что это был переломный момент в человеческой истории. Перед человеком предстал огромный мир, он шагнул в этот мир из маленькой Эллады, и его эллинистическое сознание впервые попыталось охватить вот эту безграничность окружающего... Вместе с тем это —

роман о красоте, о том, как понимали и чтили ее древние греки, о преемственности в восприятии красоты...

Был задуман мною и еще один роман — тоже исторический; в нем я пытался осмыслить монгольское нашествие, разглядеть корни деспотизма, исследовать эту — тоже переломную — эпоху беспощадно и беспристрастно... Было уже готово и название для этой вещи — «Чаша отравы». В досоциалистическом обществе каждый, воспитываясь, выпивает ее — эту чашу неверных, уродливых представлений, предрассудков, искаженных понятий. Но в последние годы повилось сразу несколько неплохих книг о Руси тех времен, поэтому колеблюсь в своих намерениях — писать или не писать этот роман...

Хотелось бы мне исполнить и давний мой долг — написать о палеонтологии. Та философская «жила», что пронизывает мои романы, берет начало здесь, и я обязан популярно изложить читателю основы моей науки... Процесс эволюции живого все-таки гораздо более сложен и противоречив, чем мы себе обычно представляем. Природа необычайно жестока, она не знает иного приговора, чем смертная казнь негодным ей; это — игорный дом, действующий на протяжении миллионов и миллионов лет, — вплоть до того момента, когда человек, то высшее, что создано природой, не только осознает себя как общественное существо, но и берет в свои руки власть и над природой, и над социальным процессом...

Мы узнаем от Ивана Антоновича, что в издательстве «Молодая гвардия» готовится пятитомное собрание его сочинений.

Отлично. Я знаю, как велик читательский голод на книги Ефремова: их невозможно ни купить в магазине, ни взять в библиотеке...

...И товарищ мой опять посматривает на часы, и мы встаем. Теперь, когда вот-вот закроется за нами дверь в квартиру писателя, в памяти всплывают все новые и новые вопросы, и все они представляются безмерно важными...

В. БУГРОВ

Этот материал уже был в наборе, когда пришла скорбная весть о смерти Ивана Антоновича Ефремова. Мы решили ничего не менять в интервью; для нас, для многих почитателей его таланта, Иван Антонович всегда будет жив, будут живы его книги, неувядаемы и значительны мысли его произведений и мысли, высказанные им еще так недавно нашему корреспонденту.